

УДК 93

И.П. СИТЬКО
(ilya.sitko@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВКП (Б) В 1920–1930-Е ГГ.*

Исследуются теоретические и практические аспекты реализации социальной политики ВКП (б) в 1920–1930-е гг. Анализируются конкретные мероприятия советской власти по развитию системы социальной защиты населения, их нормативная база. Дается оценка результативности этих мероприятий.

Ключевые слова: ВКП (б), социальная политика, социальное страхование, «социальные болезни», всеобщее просвещение, материнство, детство, здравоохранение.

XX в. стал для России временем комплексных трансформаций различного характера: политических, социальных, экономических, культурных.

Социальная политика и социальные отношения ближе всего к человеку, затрагивают вопросы жизни и смерти, любви, ценностям и идеалам, морали – всему, что влияло на его картину мира советского общества. История СССР в 1920-е – 1930-е гг. была связана с деятельностью ВКП (б).

Годы восстановления народного хозяйства поставили перед партией большевиков сложные задачи, которые сопровождалась внутривнутрипартийной борьбой. Партия сплотилась вокруг И.В. Сталина, поборов все оппозиционные веяния, и взяла курс на социалистическую индустриализацию [5, с. 266].

Социальный аспект в политической программе ВКП (б) занимает преимущественное положение. Первым шагом на пути реализации социальной политики стало принятие в 1921 г. постановления СНК «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом», а в 1922 г. Кодекса законов о труде, которые обозначили направления социальной политики и определили пути осуществления страхования рабочих в период развертывания НЭП [1, с. 21].

Социальное страхование, которое в бытность военного коммунизма было объявлено выдумкой буржуазного права, в период новой экономической политики приобрело новый размах, и на основании роста экономических показателей теоретические рассуждения партийных деятелей о социальной защите находили отражение на практике, особенно в отношении трудящихся слоев населения.

По данным исследователей охват государственной системой социальной защиты населения оценивался к 1924 г. в 5,5 млн чел., к 1926 г. – в 8,5 млн чел., а к 1928 г. – в 11 млн чел. [7, с. 35].

В первую очередь это было обусловлено расширением нормативной базы социальной защиты и, что, само собой разумеется, ростом численности рабочего класса.

НЭП привнес в социальную политику советского правительства пенсионное обеспечение по старости и инвалидности. Изменилась жилищная политика: вводилась новая система платежей за услуги, регламентировалось качество жилья, площадь, количество и состав потребленных услуг, доходы жильцов.

Однако социальная политика ВКП (б) в 1920-е гг. была ограничена тем, что социальная защита и здравоохранение были доступны детям и промышленным трудящимся, деятельность которых была основным источником средств к организации системы социальной защиты.

Особенностью социальной политики обозначенного периода стал курс на регламентацию и контроль. При этом эта регламентация имела четкое отличие от нормативной базы, к примеру, 1918 г., по которой право на пособие по безработице имели все безработные, то по постановлению СНК 1921 г. такое пособие полагалось только квалифицированным работникам и неквалифицированным работникам со стажем работы не менее 3-х лет. Также пособия варьировались по размеру, и, вновь ссылаясь на ис-

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

следователей, указанных выше, приводим данные: в 1924–1928 годах пенсии, предоставляемые ежемесячно, составляли от 31 до 36% от среднего размера оплаты труда, а пособия по временной нетрудоспособности достигали 95% от среднего заработка [7, с. 36].

Таким образом, мы видим в социальной политике ВКП (б) проявление максимальной эффективности, переход к реализации лозунга «От каждого – по возможностям, каждому – по потребностям».

Отдельным пунктом социальной политики большевиков стала борьба с так называемыми социальными болезнями: пьянством, тунеядством, преступностью, хулиганством. Эти проблемы советское правительство стремилось решать гуманным путем: работа и жилье предоставлялось в первую очередь, тунеядцам и пьяницам, дабы вернуть их на путь общего строительства социализма, вернуть их в русло товарищеской взаимопомощи, создаются учреждения вытрезвительного типа, диспансеры. Эти мероприятия были направлены в ближайшей перспективе – возвращении таких граждан к нормальной трудовой жизни, а в дальнейшей – создание нового человека.

Вопрос материнства и детства стал ядром социальной политики ВКП (б). Одной из первостепенных задач партии, как говорил Л.Д. Троцкий на III Всесоюзном Совещании по охране материнства и младенчества, ставилась такая деятельность, «чтобы психику, нравы, быт подстегивать, чтобы не отставали бытовые условия от социально-хозяйственных возможностей» [8].

Показатели всеобщего просвещения, которое также стало одним из главных пунктов программы партии большевиков, были низки. Уровень грамотности населения колебался в значениях 40–42% от всего населения. При этом наблюдается вариативность показателей относительно женщин и мужчин: мужчины – 52,3% грамотных, женщины – 30,1%, относительно городских и сельских жителей: мужчины, живущие в городе, были грамотными в рамках 73%, городские женщины – 54%. На селе грамотных мужчин было 40,9%, женщин – 24,1%. Причем среди молодежи показатель грамотности был выше: среди мужчин – 86,5%, среди женщин – 58% [6].

1930-е гг. также, как и 1920-е, были обусловлены для населения СССР всевозможными трудностями социально-экономического характера. К 1930 г., когда изъятие сельскохозяйственной продукции в деревне приобрело огромный размах, крестьяне вновь стали испытывать трудности с продовольствием. Продразверстка, официально утвержденная к 1933 г., начала свое неофициальное действие уже с 1930-го г. В 1931–1932 годах на фоне непрекращающихся репрессий, волной ссылок и всеобъемлющей коллективизации росли хлебозаготовки и реквизиции. Понятно, что цель стояла благородная: умножение государственных запасов и увеличение экспорта хлеба в обмен на западные технологии и машины, но страдало от этого исключительно население.

1930-е гг. получившие название промышленные, сместили вектор социальной политики в сторону индустриального роста, на который действовали применяемые властью меры поощрения производительности труда, стимулирования трудовой деятельности во всех сферах производства.

Особую силу приобрела борьба за искоренение тунеядства во всех его проявлениях, каждого выпавшего из трудового процесса необходимо было вернуть на работу в кратчайшие сроки. В связи с этим развернулись меры по работе с инвалидами. С ходатайства Наркомата Социального обеспечения (НКСО) в 1931 г. организуется Совет по трудоустройству инвалидов, который ввел требование бронирования рабочих мест для инвалидов на предприятиях в размере 2% от общего числа рабочих мест. В принципе степень инвалидности определялась возможностью или невозможностью выполнять трудовые функции, поэтому инвалидов стремились всячески включить в трудовой процесс, переобучая их новым профессиям, однако и здесь имел место классовый подход [9, с. 375].

К концу 1930-х гг. объем стажа и непрерывность труда на одном предприятии стали ключевым фактором при назначении объема страховки, получаемой работником. Нарушители трудовой дисциплины или работники, занятые на разных предприятиях народного хозяйства исключались из числа претендентов на социальную защиту и наказывались. Приоритет на оплату и больничного, и декретного отпуска, и пособия, и пенсии был у тех граждан, которые имели непрерывный стаж установленной

длительности, были членами профсоюза, работниками, беспрекословно соблюдающими трудовую дисциплину [7, с. 44].

С 1934 г. стали строиться дома для посемейного заселения с расширенной планировкой комнат и большим их количеством. Обязательным условием было устройство в доме или неподалеку детского сада, школы, поликлиники, магазинов и т. д. Однако исследователи отмечают неравномерность процессов развития жилищного строительства и организации ЖКХ: от огромных темпов в центральных районах, до совершенно ограниченных в крупных промышленных центрах ввиду недостаточности на это ресурсов [2].

В 1930-е гг. государство уповает на институт семьи, который в рамках форсированной индустриализации несколько сократил объем выполнения своей основной функции. Проведенное в 1934 г. по инициативе власти демографическое исследование установило, что в стране наблюдается широкомасштабное снижение рождаемости, а потому советская власть обратилось к женщине-труженице как к единственной, кто может исправить это положение дел. Практически на государственном уровне закрепились новая роль «работающая мать», которая совмещала трудовую функцию женщины и материнство. При этом четко позиционируется, что женщина имеет перед государством и трудовой долг, и долг социальный – рождение детей. Широкий размах приобретает работа с матерями в женских консультациях, родильных домах, яслях. Там женщин обучали кормлению грудью, воспитанию ребёнка, рачительному хозяйствованию, проводилась агитация против аборт (а с 1936 г. они были запрещены на законодательном уровне). Все эти мероприятия получили название «социальное материнство» [4, с. 298].

Существенно расширилось число граждан, имеющих право на социальное страхование. Исследователи приводят следующую динамику: от 10,8 млн в 1928 г. до 25,6 млн в 1936 г. и 31,2 млн к 1940 г. [7, с. 56].

Всесоюзная перепись населения 1937 г. зафиксировала незначительный прирост населения по сравнению с результатами переписи 1926 г. – приблизительно на 9,3%. Также мы можем отметить перераспределение населения из неблагоприятных районов в более развитые. Рост населения (главным образом городского) наблюдается именно в развитых центральных районах государства. К 1937 г. население СССР оставалось молодым.

Внимания заслуживают показатели брачности в СССР. В целом брачность была довольно высокой: среди мужчин, начиная с 15 лет, в браке состояло 67,5%, а среди женщин – 60%.

Политика всеобщего просвещения советской власти к 1937 г. добилась высоких результатов, это зафиксировала перепись: среди мужчин было 86% грамотных, а среди женщин – 66,2% (с 9 лет и старше). Особенно высокие показатели грамотности были у молодежи. Среди 12–14 и 18–19-летних грамотных было свыше 90%. Однако работа по ликвидации неграмотности продолжалась [6].

Можно сделать вывод, что 1920-е гг. стали для ВКП (б) периодом преодоления кризисных явлений в политической, социальной и экономической сфере. Именно в этот период наметились и были официально закреплены основные направления развития социальной политики: достижение высокого уровня жизни каждого пролетария путем организации достойной заработной платы, профсоюзной защиты прав трудящихся, их социального страхования, решение жилищного вопроса, проблемы безграмотности населения.

В отличие от 1920-х гг., 1930-е гг. стали временем реализации намеченных целей во всем социальном секторе государства: приоритет профсоюзного движения трудящихся, создание больничных листов, пенсий по нетрудоспособности и старости, пособий для беременных и матерей, организация всеобщего просвещения, как минимум, получение всем населением страны начального образования и предоставление возможности для дальнейшего профессионального обучения, строительство новых домов, причем с развитой инфраструктурой, разработка системы сопровождения государством семьи, сокращение экономического разрыва между городом и деревней и еще целый комплекс социально-экономических мероприятий, ставших важным этапом достижения победы социализма.

Литература

1. Ашмарина С.В. О разработке электронных ресурсов по истории страхования рабочих России в конце XIX – первой четверти XX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 9. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 21–25.
2. Бузырев В.В., Чекалин В.С. Экономика жилищной сферы. М.: ИНФРА-М, 2001.
3. Вишневский М. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое изд-во, 2006.
4. Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 187–198.
5. Краткий курс Истории ВКП (б) / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Партиздат, 1938.
6. Население России в XX веке: исторические очерки. в 3-х т. / отв. ред. Поляков Ю.А. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000.
7. Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность: сб. ст. / под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой. М.: ЦСПГИ: Вариант, 2007.
8. Троцкий Л. Проблемы культуры: Культура переходного периода. Сочинения. Том 21. М.; Л.: Госиздат, 1927.
9. Шек О. Социальное исключение инвалидов в СССР // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярославской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ: Науч. кн., 2005. С. 375–396.

ILYA SITKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

SOCIAL POLICY OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY IN THE 1920–1930S

The article deals with the study of the theoretical and practical aspects of the realization of the social policy of the All-Union Communist Party in the 1920–1930s. There are analyzed the specific actions of the Soviet regime, aimed at the development of the system of the social protection of the population and their normative base. There is given the appraisal of the effectiveness of these actions.

Key words: the All-Union Communist Party, social policy, social insurance, “social diseases”, universal enlightenment, motherhood, childhood, healthcare.